

■ агент

“Я доволен своим Джеймсом Бондом и не собираюсь от него убежать”

На кинофестиваль в Торонто представлять свой новый фильм «Матадор» (Газета рассказывала о нем во вчерашнем номере) приехал Пирс Броснан, последний на сегодняшний день исполнитель роли Джеймса Бонда. С актером, сыгравшим на этот раз киллера, встретился корреспондент Газеты Игорь Потапов и расспросил его про бремя шпионской славы.

Перед тем как начать работу над ролью, вы пробовали узнавать что-то про наемных убийц, про их психологию?

Да, я давал прочесть сценарий одной милой даме — она психолог-криминалист, работает в департаменте полиции Лос-Анджелеса — просто из любопытства, чтобы послушать, что она скажет. Она занимается тем, что составляет психологические портреты таких людей. Естественно, у нее был свой взгляд на мотивы, которые двигают моим героем, но в том, что касается его нервных срывов, она не нашла ничего необычного. Среди преступников тоже разные люди попадают, и у большинства из них в голове такие тараканы...

У вас случались такие же спонтанные разговоры с незнакомцами за барной стойкой, как у вашего героя?

О выпивке и бабах? Бывают, почему бы и нет. Но очень часто это чревато тем, что разговор может обернуться неприятными последствиями, и ты уже не знаешь, как бы этот треп закончить. В этот момент лучше всего быстро встать и уйти.

До съемок «Матадора» вы бывали на корриде?

Я и во время съемок не был на корриде. Сцены с моим участием снимались на пустом стадионе, а быков Ричард (режиссер «Матадора» Ричард Шепард. — Газета) снимал отдельно. Нет, я никогда раньше на корриду не ходил и не собираюсь. У меня нет желания смотреть, как на моих глазах забивают животное, и получить от этого удовольствие я бы не смог. Но я могу понять художественную ценность этого представления для тех, кто им наслаждается. Тем более что в Мексике это действительно национальный вид спорта. И я полностью осознаю, каким образом бой быков вдохновлял множество творческих людей. Лорка, Пикассо, Хемингуэй — все они прославляли бой быков и, надо полагать, имели на это полное право.

В начале фильма есть сцена, где ваш герой идет через гостиничный холл в одних плавках и сапогах на босу ногу, доходит до бассейна и падает туда. Как вы себя чувствовали в такой комичной ситуации и как реагировали на это зрелище посторонние зрители?

Если я правильно помню, на площадке тогда было всего четыре актера, а все остальные, кого вы видите в кадре, — обыч-

Пирс Броснан — Газете

Фото: AP

■ газета

на службе Ее Величества

Пирс Броснан родился 16 мая 1953 года в Ирландии, а в Лондон попал в возрасте одиннадцати лет. Работал в цирке, художником, выступал в экспериментальном театре, позже окончил Лондонский центр драматического искусства и достиг значительных успехов как театральный актер. Слава пришла к нему в 1980-е годы вместе с главными ролями в двух популярных телесериалах — «Мэнионы из Америки» и «Ремингтон Стил». Во многом благодаря второму из них Броснану досталась роль Джеймса Бонда. Знаменитого шпиона он сыграл в четырех фильмах цикла — «Золотой глаз» (1995), «Завтра не умрет никогда» (1997), «И целого мира мало» (1999), «Умри, но не сейчас» (2002). Впрочем, Пирс Броснан не стал заложником одного образа. Ему приходилось изображать шпиона, криминального гения («Афера Томаса Крауна», 1999; «Портной из Панамы», 2001; «После заката», 2004), но в его фильмографии есть и семейная комедия («Миссис Даутфайр», 1993), и приключенческое кино («Робинзон Крузо», 1997), и мелодрама («У зеркала два лица», 1996), и романтическая комедия («Законы привлекательности», 2004). Некоторые фильмы со своим участием Пирс Броснан продюсирует сам. Так было с драмами «Племянник» (1998) и «Эвелин» (2002), а также с последним его фильмом «Матадор».

ные постояльцы и персонал той гостиницы, где мы снимали. Конечно, у них челюсти отваливались, но ведь режиссеру и надо было зафиксировать их реакцию. Как я себя чувствовал? Нормально. Это часть моей профессии. Я начинал выступать еще в уличных театрах, потом обучался актерскому мастерству, и в те времена всякое бывало. Я иногда выставлял себя на показ в очень странных ситуациях, о которых даже рассказывать не буду. Прогуляться по гостинице в плавках — еще цветочки. К тому же надо уметь понимать театральность всего происходящего. Я просто не имею права выглядеть более глупо, чем того требует роль. Помню, Ричард спросил меня, что бы я предпочел надеть на ноги, и я сказал: «Сапоги, конечно».

Фраза вашего героя о том, что «правительство слишком мало платит», была в сценарии еще до того, как вас пригласили на эту роль?

Была, и даже более того. Помните, что персонаж Грега Киннеара спрашивает у меня перед этим? Он говорит: «Ты, случайно, не шпион?» В сценарии эта фраза звучала так: «Ты, может быть, Джеймсом Бондом работаешь?» Но мы с Ричардом решили, что это уже будет слишком. Отвлечет внимание зрителей в ненужную сторону. Так что от Бонда мы избавились.

Но ведь все равно от Бонда до конца избавиться невозможно. Когда ваш герой заказывает коктейль в баре и камера крупным планом показывает, как официант встряхивает шейкер, каждый зритель сразу вспомнит про Джеймса Бонда, хотите вы того или нет.

А я и не хочу, чтобы про него забывали. Я живу с этим персонажем уже не первый год, я к нему до определенной степени привязан, я ему искренне благодарен. Благодаря тому, что я сыграл Джеймса Бонда, я заработал значительную сумму, смог попробовать свои силы как продюсер и таким образом получил право выбирать интересные для меня проекты. Так что я доволен своим Джеймсом Бондом и не собираюсь от него убежать. Конечно, когда ты постоянно играешь одного персонажа в самых разных ситуациях, в разное время суток, ты попадаешь в своеобразное артистическое пространство, которое немножко меняет тебя самого — твою манеру разговаривать, двигаться, и так далее. Я осознаю это — и также осознаю, что для роли в «Матадоре» это было даже полезно. Иногда, если тебя несет течением, не надо сопротивляться, иначе есть риск удариться о дно. Если бы я чересчур сильно старался «не быть как Бонд», я бы сделал только хуже, я бы уничтожил своего персонажа. Я умею полностью менять свое поведение в зависимости от роли, но сейчас этого от меня не требовалось. Все, что я хотел в «Матадоре», — это поглотиться над своими предыдущими достижениями. Сделать так, чтобы я смотрелся забавно. Этот сценарий написан с большим чувством юмора, надо отдать должное авторам. Некоторые реплики разят прямо в точку, как стилет.

Когда вы продюсируете фильмы, это значит, что вы остаетесь продюсером даже на съемочной площадке?

Я не воспринимаю себя как профессионального продюсера. Я просто актер, который иногда так сильно хочет, чтобы какой-то проект воплотился в жизнь, что готов тратить свое время и нервы для того, чтобы собрать вместе нужных людей. Но что касается каждодневной организационной работы — составление сметы, расписания, подготовка съемок и так далее, — в этом я полный профан. К тому же продюсер во время съемок не может ни на минуту перестать быть продюсером. Как бы я смог играть, если бы мой телефон все время звонил? А ведь это обычно очень важные звонки, на которые надо отвечать немедленно. Не оставлять же автоответчик: «Простите, но в данный момент я по другую сторону камеры».

Вы вкладываете собственные деньги в производство фильма?

Нет, никогда. Я предпочитаю, чтобы появился добрый дядя с деньгами, выделил нам щедрый бюджет и не мешал работать. Но это не значит, что я не риску. Каждый фильм — это риск. Даже в фильме с большим бюджетом я не могу быть уверен в том, что конечный результат получится удовлетворительным — и с финансовой, и с художественной стороны. Что уж говорить о независимом кино. Да, там гораздо выше художественные амбиции и можно снять что-то действительно гениальное. Но это ужасно рискованное предприятие, у тебя нет никакой страховки на случай провала. Никогда не знаешь, выйдет ли фильм в прокат в кинотеатрах или его пустят прямиком на видео. Хотя некоторые из моих самых лучших выступлений — как раз на видео. На домашнем видео.

Продюсирование фильмов, должно быть, поднимает самооценку?

Она у меня и так уже выше некуда. (Смеется.) На самом деле всегда есть нереализованные желания. Говоришь себе: «У меня есть эго, мне надо стремиться к чему-то большему». Что касается профессии актера, тут я себя оцениваю довольно трезво. Надо заставлять себя работать и быть честным с самим собой. Я бы хотел, например, играть, как Дэниэл Дэй-Льюис, — вот кто настоящий гений.

Правда ли, что вы скоро снова должны сниматься в роли Томаса Крауна?

Да, этот проект уже запущен, есть продюсерская команда, есть неплохой сценарий. В общем, колеса вертятся. Сейчас идет обсуждение кандидатуры режиссера, и это немножко притормаживает все остальное. Мне, кстати, Ричард вчера посоветовал поговорить с Джоном Мак Тирнаном, и меня просто осенило — я не видел того, что лежало под носом. Конечно, Джон отлично бы подошел для этой работы. Осталось только с ним поговорить. В любом случае студия очень заинтересована в этом проекте, все стоит наготове, так что съемки начнутся уже скоро — я надеюсь.